

Накормив Картофелину досыта, Лю Мухань и сам икнул.

Тьма стремительно сгущалась. В лесу не осталось другого света, кроме призрачных отблесков луны, едва пробивавшихся сквозь плотное сплетение ветвей.

Лю Мухань взобрался на дерево и, усевшись на широкой развилке, крикнул оставшемуся внизу ослу:

— Картофелина, карауль давай. Если услышишь какой подозрительный шорох — сразу кричи. Всё, я спать.

С этими словами он полез еще выше, улегся на толстой ветке и закрыл глаза.

За этот долгий день Лю Мухань проделал немалый путь от деревни до городка, а тут еще эта заваруха с белолицым ученым и Линь Хуаяном... Сил совсем не осталось. Сладко зевнув пару раз, он покрепче обхватил ствол дерева руками и вскоре уснул.

Проснулся он от ослиного крика и странного, едва слышного шуршания.

Лю Мухань открыл глаза, потер их и свесился с ветки:

— Картофелина, ты как, в порядке?

— И-а-а!

Убедившись, что с ослом всё хорошо, Лю Мухань ущипнул себя за щеку, чтобы окончательно стряхнуть остатки сна. Шорох вдали не прекращался. Это не походило на возню лесного зверя — скорее кто-то осторожно шёл, волоча за собой тяжелую ношу.

Сон как рукой сняло. Лю Мухань торопливо спустился пониже и потрепал Картофелину по загривку, призывая к тишине:

— Тсс, не шуми. Жди здесь, а я пойду посмотрю.

Осел нетерпеливо притопнул копытами, сделал пару кругов на месте, но послушно затих.

Ночной ветер доносил обрывки чужих голосов и глухой скребущий звук. Пригнувшись, Лю Мухань двинулся на шум. С каждым шагом звуки становились отчетливее, пока не показалось, что неизвестные стоят совсем рядом.

Еще несколько мгновений — и он смог разобрать слова.

Поняв, что это люди, а не дикие звери, Лю Мухань облегченно выдохнул. Впрочем, показываться он не торопился — так и сидел, затаившись за раскидистым деревом, чтобы не спугнуть незваных гостей.

— Брат, мне показалось, или тут только что осел орал?

— Чепуху неси! В такой глуши откуда взяться ослу?

— Да точно тебе говорю, слышал я! Слушай, братуха, место уж больно гиблое, аж жуть берет. Может, ну его, бросим его прямо так и свалим? Сил моих больше нет торчать в этом склепе.

— Но как же...

— Брат, вернемся и скажем, что закопали как надо. Проверять всё равно никто не потащится. Кто узнает-то?

— И то верно. Черт с ним, пошли отсюда. Самому неохота посреди ночи на кладбище торчать.

Переговариваясь, подельники развернулись и поспешили прочь, так и не заметив притаившегося в тени маленького наблюдателя.

Лю Мухань до последнего провожал их взглядом. Лишь когда шаги окончательно стихли и стало ясно, что чужаки не вернутся, он бесшумно скользнул из своего укрытия к месту их недавней стоянки.

В глухой чаще царил непроглядный мрак. Тусклый лунный свет едва пробивался сквозь кроны деревьев, позволяя разглядеть лишь то, что находилось под самыми ногами, в то время как всё остальное тонulo в зыбком тумане. Стоя в отдалении, Лю Мухань слышал лишь приглушенные голоса, не имея возможности рассмотреть, чем заняты ночные гости.

Подойдя ближе, он обомлел: под ногами у него лежал маленький сверток, наспех замотанный в старую драную рогожу. Внутри оказался ребенок.

Судя по всему, именно его эти негодяи собирались заживо зарыть в землю.

Лю Мухань поспешно опустился на колени. Приложил ладонь к губам ребенка, нащупал слабую жилку на шее и облегченно выдохнул — жив!

Сбросив грязную рогожу, он бережно поднял бесчувственное тело на руки.

Поразмыслив, он аккуратно опустил ребенка на мягкую хвою, поднял рогожу и принялся рвать

её на части, раскидывая обрывки в противоположном направлении. Он намеренно оставил на земле глубокие борозды, имитируя следы волочения — если кто-то явится с рассветом проверить работу, ложный след уведет их в сторону.

Закончив, Лю Мухань снова взял малыша на руки. Его лоб был ледяным на ощупь. Не будь того едва заметного, ниточного дыхания, можно было подумать, что перед ним окоченевший труп.

Прижимая к себе ребенка, Лю Мухань вернулся к дереву, где устроил ночлег. Достав из пространственного хранилища теплое пуховое одеяло, он постелил его прямо на телегу и бережно уложил на него найденыша.

Рядом стоял бамбуковый туесок с остатками соевого молока, недопитого днем. Увы, оно успело совсем остыть.

Лю Мухань огляделся. Разводить костер, чтобы согреть питье, было смертельно опасно: дым и пламя могли привлечь внимание ушедших бандитов. Если те решат вернуться, не поздоровится ни ему самому, ни спасенному мальчику.

Решив не рисковать, он откупорил туесок и попытался напоить ребенка.

Но тот лежал пластом, не приходя в сознание. Жидкость заливалась в рот лишь благодаря угасающему глотательному рефлексу, да и тот давался малышу с огромным трудом.

Немного подумав, Лю Мухань набрал соевое молоко в собственный рот и, припав к синеватым губам мальчика, стал осторожно, каплей за каплей, согревать и вливать ему теплое питье.

Ведомый живительным теплом или отчаянной жаждой жизни, ребенок зашевелился и принялся глотать увереннее.

Лю Мухань обрадовался. Достав из пространственного хранилища сочный мясной пирожок, он тщательно разжевал его и тем же способом накормил ребенка.

Глоток за глотком он продолжал, пока тот не насытился и не стал вяло отворачиваться. Лишь тогда Лю Мухань вздохнул спокойно и отложил остатки еды.

На лбу его выступили крупные капли пота, а сонливость от пережитого волнения испарилась без следа.

К счастью, труды не пропали даром: бледные щеки понемногу розовели, ледяной озноб отступал, а сердце под ладонью забилось ровнее и увереннее.

Укутав найденыша поплотнее и прижав его к груди, Лю Мухань принялся размышлять, кто и за

что так жестоко обошелся с беззащитной крохой.

Из разговора ночных гостей ясно следовало, что им приказали избавиться от мальчишки. Какая лютая злоба или корысть должна двигать людьми, чтобы обречь невинное дитя на страшную смерть в сырой земле?

Впрочем, гадать было бессмысленно — оставалось только ждать, пока спасенный придет в себя.

Почувствовав живое человеческое тепло, ребенок инстинктивно прижался теснее к своему спасителю, ища защиты от пронизывающего лесного холода.

Так они и просидели до самого рассвета.

Едва забрезжил рассвет, Лю Мухань осторожно уложил ребенка обратно на повозку, спустился на землю и запряг ослика. Похлопав Картофелину по сытой морде, он скормил ему охапку сухой соломы и ласково напутствовал:

— Ну, вези, ушастый. Только чур без глупостей — держись дорог, где людей побольше, понял?

— И-а-а! — согласно мотнул головой осел.

Лю Мухань взобрался на телегу, и Картофелина неторопливо тронулся в путь.

Но не успели они отъехать и на ли, как мальчика в телеге внезапно заколотило мелкой дрожью, и он свернулся калачиком.

Лю Мухань тут же прижал его к себе, поглаживая по спине:

— Тихо-тихо, маленький, не бойся... Я здесь, ты в безопасности. Сейчас довезу тебя до лекаря, и всё пройдет, слышишь?

Уткнувшись носом в теплую грудь спасителя, ребенок постепенно утихал, пока дрожь совсем не прекратилась.

— Вот и молодец, не бойся, — ласково шептал Лю Мухань, баюкая его на руках.

Повозка наконец выкатилась из мрачной лесной чащи. Первые лучи восходящего солнца ласково коснулись их лиц, прогоняя ночные страхи.

Сон мальчика был тревожным. Он не шевелился, но то и дело морщился от боли, словно его

преследовали кошмары наяву.

Глядя на него, Лю Мухань чувствовал, как сжимается сердце. Такого маленького, беззащитного — и заживо в могилу... Какое же горе пришлось пережить этому бедняжке?

Он присмотрелся к найденышу внимательнее. Мальчику на вид было не больше семи-восьми лет. Личико бледное, но чистое, черты тонкие. Одежда его, хоть и превратилась в грязные лохмотья, была сшита из дорогой, добротной ткани. Видно, родом он из благородной и богатой семьи.

Обычные люди, должно быть, завидуют сытой жизни в богатых поместьях или великих орденах вроде Ордена Свободного скитания. Но сам Лю Мухань, не раздумывая, променял бы весь этот блеск на тихий покой в глухой деревушке. Наверняка и этот бедолага предпочел бы простую долю, да только судьба не оставила ему выбора.

— Если ты тоже круглый сирота и тебе некуда идти, — тихо прошептал Лю Мухань, — давай держаться вместе. Будем помогать друг другу.

Ему было бесконечно жаль этого брошенного ребенка, но в глубине души теплилась робкая радость от этой встречи. Может быть, сама судьба свела их в глухой лесной чаще?

Он и сам не замечал, как сильно истосковалась его душа по родному плечу, по тому, чтобы кто-то просто был рядом. Те, кто ушел от него прежде, оставили после себя лишь леденящую пустоту. В конце концов он всегда оставался один — покинутый, забытый всеми на свете.

Телега ходко катилась по лесной дороге. Часа через два глухие заросли наконец расступились, и показались первые признаки жилья — редкие крестьянские дворы на окраине захудалого поселения.

Лю Мухань погладил заурчавший живот, а затем перевел взгляд на спящего найденыша.

— Картофелина, давай-ка свернем к домам, раздобудем теплой каши. Больному сейчас горячий отвар нужнее всего. До города путь неблизкий, надо бы подкрепиться. Да и тебе соломы или сена раздобыть не мешало бы, а то совсем оголодаешь.

— И-а-а! — радостно отозвался ослик, ускоряя шаг.

Лю Мухань невольно улыбнулся и слегка натянул поводья, направляя Картофелину к ближайшей избе:

— Ну, поехали. Попытаем счастья.

Послушный осел повернул с тракта и зашагал по деревенской улочке.

Дома здесь стояли просторно, дворы не лепились друг к другу, так что телега проехала без всяких помех.

Наконец они остановились перед крепкой усадьбой, хозяева которой явно не бедствовали. Укутав спящего мальчика поплотнее, Лю Мухань прыгнул на землю и постучал в ворота:

— Эй! Есть кто дома?

Из-за забора слышались осторожные шаги, но открывать хозяева не спешили. Лю Мухань замер в ожидании, однако время шло, а засов так и не сдвинулся с места.

— Хозяева, отзовитесь... — снова позвал он.

Скрипнули несмазанные петли. Калитка приоткрылась на ширину ладони, и кто-то настороженно посмотрел в щель:

— Чего надобно?

От такой суровости Лю Мухань на миг растерялся, но быстро взял себя в руки:

— Простите за беспокойство. У меня братишка сильно занемог, весь горит. Нет ли у вас немного жидкой каши? Я заплачу.

Человек за калиткой смерил его подозрительным взглядом, затем зыркнул на телегу, где лежал укутанный малец, и буркнул:

— Жди тут.

Дверь глухо захлопнулась. Лю Мухань прижал ухо к щели и уловил негромкий девичий голосок:

— Дедушка А-Е, там двое мальчишек. Говорят, один занемог, просят каши.

— Кхе-кхе... Дети, говоришь? Ну такпусти бедняг, чего им на холоде торчать... — раздался дребезжащий старческий кашель.

Лю Мухань окинул себя взглядом. «Тоже мне, ребенок», — мысленно хмыкнул он, находя себя вполне взрослым.

Калитка распахнулась шире, и на пороге показалась девчушка лет десяти на вид.

— Заходите, дедушка А-Е разрешил, — велела она. — Осла привяжите у корыта, там сено есть, пусть жует.

Лю Мухань облегченно улыбнулся:

— Спасибо тебе, сестрица.

<http://bllate.org/book/18166/1749947>